

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

ВЗРОСЛЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ ПОДРОСТКОВЫХ СООБЩЕСТВ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И РИСКИ

Г.Х. Азашиков¹, Н.Е. Хагурова²

¹Кафедра конституционного строительства
и государственного и муниципального управления
Майкопский государственный технологический университет
ул. Первомайская, 191, Майкоп, Россия, 385000

²Кафедра социальных и гуманитарных дисциплин
Институт экономики и управления в медицине и социальной сфере
ул. Садовая, 218, Краснодар, Россия, 350042

Статья посвящена проблемам подростковых сообществ как особого пространства взросления. Авторы рассматривают основные трансформации современного общества и порождаемые ими риски социализации в пространстве подростковых сообществ. В частности, отмечается, что в условиях высокой занятости родителей вне дома коллективы сверстников становятся одним из важнейших агентов социализации и ключевым пространством взросления для подростков. В статье представлены основные социально-психологические концепции групповой динамики и взаимоотношений в подростковых группах, а также функции подросткового сообщества, обеспечивающие взросление личности в системе внутригрупповых коммуникаций. Подчеркивается, что традиционно взаимоотношения со сверстниками являются «школой» социального опыта, необходимого для нормального взросления, но сегодня коммуникативные и досуговые практики подростков и молодежи попадают в сферу «конструирования» со стороны индустрии потребления. Соответственно, в статье анализируются тенденции консьюмеризации и виртуализации в пространстве подростковых сообществ, принципиально изменяющие не только форму, но и содержание интеракций и отношений в подростковой и молодежной среде; рассматриваются риски криминализации подростковых сообществ, в том числе обусловленные влиянием масс-медиа, а также риски, связанные с интернет-активностью подростков — примитивизации интеллектуальных навыков и инфантилизации мышления, обусловленные чрезмерным увлечением Интернетом.

Ключевые слова: взросление; подростковые сообщества; групповое взаимодействие; субкультуры; консьюмеризация; виртуализация общения; деформации пространства взросления; риски.

Становление личности (взросление) всегда протекает в пространстве культуры и существующих в рамках данной культуры способов и форм коммуникации.

Основные составляющие этого пространства сегодня претерпевают ряд существенных изменений (деформаций). В частности, процесс социализации значительно изменился вместе со становлением и развитием индустриального общества: если в традиционном обществе основными агентами социализации были семья в ее расширенном виде, община и церковь, по сути регламентирующая все стороны общественной и частной жизни, то в индустриальном обществе этот круг значительно расширился — в него включилось образование, искусство для детей, средства массовой информации, различные формы внесемейного пребывания, организации для детей и юношества, т.е. воспитание и образование стали предметом деятельности профессионалов.

Одновременно основной агент социализации — семья — переживает ряд существенных трансформаций [10]. Индустриализация вытеснила экономическую деятельность родителей за пределы семьи, где она осуществляется вне реальной связи с жизнью детей и, как правило, дети имеют о ней весьма смутные представления. Дети оказались выключенными из хозяйственно-экономического процесса, ранее руководимого родителями, и их авторитет оказался разбавлен авторитетом других инстанций — как официальных, так и неофициальных. Сократилось и время, проводимое детьми совместно с родителями, а, соответственно, с сокращением времени детско-родительского общения и снижением авторитета родителей, возросла социализирующая роль иных агентов социализации.

Можно говорить о появлении «институционализированных родителей» — это коллективный образ, состоящий из впечатлений от контактов с воспитателями в дошкольных учреждениях, учителями в школах, преподавателями в высших учебных заведениях, многочасовых и беспорядочных просмотров телепередач [3. С. 47—54]. При этом возникает дефицит первичных связей, который ребенок восполняет за счет включения в группу равных — сверстников: в условиях недостатка общения с родителями, существенного сокращения количества детей в семье, увеличения времени, проводимого в образовательно-воспитательных учреждениях, группа сверстников становится значимым агентом социализации.

Основоположники символического интеракционизма Ч. Кули и Дж. Мид утверждали, что «Я» конструируется в процессе коммуникаций и ключевой для формирования личности является способность «смотреть на себя со стороны», т.е. самоидентификация формируется на основе коммуникаций с другими. Несмотря на утверждение о важности каждой интеракции для самопознания, сам механизм «принятия роли другого» нарабатывается именно в детские и юношеские годы. Кули считал «первичные» группы необходимым условием для возникновения и развития того, что представляет собой человеческая природа [1. С. 351—374].

Дефицит общения со значимыми взрослыми и неизбежное в современных условиях быстрое устаревание родительского опыта делает группу равных одним из влиятельнейших агентов социализации. В современном обществе процесс передачи социального опыта непосредственно от родителей трансформируется в опосредованный процесс — преимущественно через систему образования, масс-медиа и взаимодействие в группах сверстников. В результате происходит так называ-

емая «ювентизация опыта» — молодые люди все больше полагаются на самих себя [2. С. 59]. Участие в группах равных необходимо для успешного освоения правил взаимодействия: в такой группе, даже если это шайка малолетних преступников, многие дети научаются дисциплине и ответственности гораздо лучше, чем дома; такая группа приучает ребенка к взаимным уступкам и сурово исправляет ошибки, а отсутствие подобного опыта делает ребенка нечувствительным к интересам других людей; здесь неумение соблюдать групповые нормы влечет за собой негативные санкции, и этот контроль гораздо жестче семейного [12. С. 135—136].

Сегодня процесс конструирования автономных подростковых пространств взросления требует своего переосмысления. В первую очередь это относится к роли контр- и субкультур молодежи и подростков, которые во многом оказываются в сфере влияния массовой, коммерческой культуры, «перерабатываются» ею. Под ее воздействием прежний протест превращается в хорошо продаваемый продукт, а его атрибуты — в модные аксессуары. Досуговые практики современной молодежи, при всей их кажущейся свободе и разнообразии, моделируются спектром существующих предложений в сегменте «музыка — фильмы — дискотеки — торговые центры — вечеринки — он-лайн тусовки». Одновременно подростково-молодежные группы обретают и новые черты, потому что нередко конструируются в сети, тем самым частично отменяя свойственный им территориальный характер, непрменный в прежние годы выход (физический) на улицу и, как следствие, становясь менее устойчивыми и долговременными. Существование в виртуальной реальности, часто без отрыва от дома, несет свои угрозы: с одной стороны, ребенок физически находится дома, и это успокаивает родителей; с другой стороны, подобное общение не всегда понятно и доступно взрослым и, конечно, далеко не всегда безопасно. Виртуальное общение сложнее контролировать и отслеживать, в отличие от традиционных для недалекого прошлого перекуров за школой. Вместе с тем часть подростково-молодежных сообществ и в виртуальной среде не теряют криминального оттенка, окрасившего их еще в перестроечные годы.

Подросток, испытывающий дефицит первичных связей в силу ослабления значения семьи, компенсирует этот дефицит участием в группах сверстников, где осуществляет как формальные, так и неформальные статусные переходы.

В этих группах протекает социальная жизнь индивида за пределами семьи, и здесь значение культурно-нравственной традиции резко снижается. Среди молодежи доминируют модернистские, авангардистские ориентированные формы сознания, что и определяет характер субкультур: в его основе лежит не столько индивидуально-пережитый, сколько стилизованный с помощью субкультуры жизненный импульс группы сверстников, молодых людей одного поколения. Молодежь испытывает тяготение к собственной культуре, в рамках которой молодые люди понимают друг друга буквально с полуслова.

Именно неформальная, точнее поколенческая, группа дает подростку, молодому человеку то, чего не может дать ему семья. Но те ценности, мнения и по-

веденческие стили, которые формируются в молодежной среде, не отменяют того, что было усвоено в «камерной атмосфере семьи» [3. С. 55—64]: «они продолжают свое молчаливое существование рядом с диаметрально противоположными мнениями (в голове одних и тех же людей), ожидая своего часа: того времени, когда молодому человеку, „вытолкнутому“ из когорты ровесников, придется столкнуться с жизнью один на один и решать возникающие проблемы на свой страх и риск» [3. С. 63].

В нашей стране имеется опыт столкновения с острой проблемой молодежного нигилизма в период генеральной «смены курса». В такое время — неопределенности, аномии, растерянности, критики — неизбежно страдает авторитет взрослых. После Октябрьской революции новая власть столкнулась с проблемой резкого молодежного неконформизма, беспризорностью, подростковой преступностью. Нужно было срочно возвращать молодому поколению доверие к взрослым, строить заново детско-взрослую общность, а вместе с ней и «новый мир».

Новая власть не пренебрегала этими вопросами и принялась почти сразу (с начала 1920-х гг.) объединять детей, подростков и молодежь под знаком политических движений, которые кроме политики занимались целым рядом других жизненно-важных вопросов. Вот выдержки из письма пионеров 1920-х гг.: «Все наши звенья поставлены на общественную работу. Одно наше звено... изучает свое производство и вместе с этим ведет работу в красном уголке на фабрике. Ребята выпускают ежедневно газету с важнейшими известиями, помогают рабочему клубу в технической работе в уголке, в обеденный перерыв иногда устраивают живую газету. Другое звено поставлено на работу в нашем доме-коммуне. Ребята два раза в неделю собирают всех неорганизованных ребят, играют с ними, проводят беседы, поют песни. Недавно наши ребята наладили паяльную мастерскую и стали починять посуду всем хозяйкам в доме-коммуне» [8. С. 45].

Подобное времяпровождение не только общественно значимо, но определяет положение подростка между поколениями старших и младших, позволяя одновременно учиться, учить и быть действенным помощником.

Конечно, сегодня эти строки выглядят несколько наивно и архаично, однако, судя по результатам недавнего опроса школьников Кубани [9. С. 99—183], часть из них хотят помогать другим, делать что-то не только для себя, отдыха, будущей карьеры, потому что заниматься серьезными и ответственными делами — значит быть нужным и востребованным по-настоящему.

Но для организации таких занятий необходима деятельная и тактичная помощь взрослых — как решались подобные задачи на практике в советское время, прекрасно описано в повестях А.С. Макаренко «Педагогическая поэма» и Л. Пантелеева и Г. Белых «Республика ШКИД». А ведь тем педагогам приходилось находить общий язык с совершенно асоциальной «босотой», а не с обычными школьниками.

В то же время начали формироваться базовые детско-подростковые сообщества — школьный класс и дворовая компания. Зачисление в школу по территориальному принципу, как правило, позволяло частично сочетать школьное и дворо-

вое сообщество. Дружеские отношения могли начинаться, что называется «с пеленок», с одного детского сада, и продолжаться вплоть до окончания школы, после которого естественным было некоторое расхождение жизненных путей в силу различных профессиональных ориентаций.

Родителям в принципе было несложно контролировать круг общения своих детей — они дружили годами с одними и теми же ребятами, зачастую учились в одном классе и жили неподалеку, что позволяло иметь хотя бы приблизительное представление о друзьях детей и об их семьях.

Можно предположить, что такое совпадение дружеского и ученического коллективов, наличие в школе лучших друзей и возможность не расставаться и в неучебное время во многих случаях гармонизировало период взросления. И одновременно приучало к совместному переживанию жизни — школьные друзья делили и досуг, и учебу, например, готовили вместе уроки, гуляли. Вероятно, это позволяло во многих случаях избежать одиночества — одной из мучительных проблем подросткового периода — и давало повод впоследствии сказать «школьные годы чудесные».

В целом «отечественная история» молодежи выглядит несколько мягче, чем западная. Бурное развитие индустриального общества, несомненно, оказало влияние на характер подростково-молодежных общностей, но их внутреннее содержание определяется во многом доминирующими социальными идеалами и смыслами.

В нашем отечестве идейный перелом наступил во времена хрущевской оттепели: когда построение социализма было сведено к «догоним и перегоним по мясу и молоку», повседневность неизбежно становилась все более деидеологизированной и привязанной к понятиям достатка, обеспеченности, этакой жизненной хватки, смекалистости. Из молодежных сред уходит накал первых советских десятилетий, когда стране приходилось решать сложнейшие задачи, от которых не оставалось в стороне и подрастающее поколение. Акценты смещаются в сторону интересного общения, внешней привлекательности, красивой одежды, танцев, музыки, стремления в будущем свить свое укомплектованное признаками достатка гнездо — ведь бороться вроде бы стало не с кем и не с чем.

Одновременно с «обуржуазиванием» появляются и протестные явления, наиболее ярко проявившие себя в феномене «стиляг» — молодых людей, бросавших вызов обществу с помощью яркой иностранной, часто нелегально добытой одежды, музыки и запрещенных танцев. Мейнстримом стилижничества стало копирование всего иностранного и неприятие советского образа жизни.

Но все-таки в СССР молодежные движения 1960-х гг. носили достаточно локальный характер по сравнению с Западом, где в это же время формируется мощное молодежное движение, основным содержанием которого становится мятеж. Разнообразные по идейному наполнению течения объединял отказ от «культуры отцов» — от ценностей и образа жизни, транслируемого традиционной культурой. Подобный «отказ» предполагал отрицание взрослых (в классическом смысле) моделей поведения, инфантильность, свободу сексуальных отношений, культ молодости и радикализма.

В нашей стране заметные проявления молодежного нонконформизма намечаются к 1980-м гг.: тогда появляются «неформалы», и проблема молодежи, противопоставляющей себя «нормальной» обывательской среде, выносятся на страницы прессы и экраны кинотеатров. Самый, пожалуй, яркий срез молодежной реальности того периода можно увидеть в нашумевшем фильме «Авария — дочь мента»: переломные, кризисные моменты, когда особенно яростно начинает критиковаться вся социальная реальность — и прошлое, и настоящее — дискредитируют взрослых и взрослость — ведь это их мир, сотворенный их руками.

В то же время вся социальная среда стремительно переставала быть «нормальной». К 1990-м гг. подростково-молодежные сообщества нередко носили криминальный и полукриминальный характер и управлялись взрослыми людьми, имеющими отношение к преступному миру. В годы, когда словечки из криминального жаргона прочно вошли в нашу повседневность, в молодежной среде стало модно быть бандитом.

К сожалению, даже сегодня в подростковой среде сохраняются криминальные черты, и особенно это касается небольших городов и деревень, где подросткам, по их собственным словам, нечем заняться. По данным исследований 2013 г. [9], подростки часто жалуются на скуку, отсутствие оборудованных мест для общения и отдыха и этим объясняют распространенность в их среде девиаций — употребления наркотиков, токсикомании, пьянства. А чтобы раздобыть средства, подростки прибегают к грабежу (гоп-стопу), угону машин, проституции. С другой стороны, членство в подростковых деликвентных сообществах может объясняться стремлением обезопасить себя, обзавестись группой «своих», к которым можно обратиться за помощью в случае опасности. Идентифицируя себя с сильной и агрессивной группой, подросток переносит на себя ее характеристики, чувствуя себя таким образом увереннее [11. С. 98].

Отметим, что криминализация подростково-молодежной субкультуры все еще сохраняется (пусть не в тех масштабах, что в «лихие 1990-е»). В целом те, чье взросление пришлось на 1980—1990-е гг., были вынуждены жить в совершенно новом мире, где родительский опыт в большинстве случаев не мог им помочь, — этому поколению пришлось самостоятельно вырабатывать жизненные стратегии.

К рубежу веков облик молодежи обретает новые черты: откликаясь на стремительное превращение мира в глобальное сообщество потребления, молодежь 2000-х уже не представляет собой борцов за новую социальную реальность.

По меткому определению А.В. Костиной, культ молодости, а, значит, радикализма, силы, энергии сменился стадией «cool» — холодной умеренности. Сегодняшний молодой человек — не рокер, не хиппи, не панк, не член подпольной террористической организации, а студент, достаточно конформный, не протестующий против ценностей отцов, а безразличный к ним; его характеризует уже не воинствующий индивидуализм как противопоставление себя этике большинства, а индивидуализм нарциссического типа, мельчание собственного «Я», необремененность великими идеями, несвязанность моральными обязательствами, равнодушие к «большим делам» [4. С. 43—47].

Сегодня подростковые общности становятся все более размытыми, неустойчивыми, калейдоскопичными. Понятие «дружба» постепенно вытесняется нейтральным, подсказанным рекламой операторов связи словом «общение». Традиционные подростковые общности — школьный класс и дворовая, соседская компания — теряют свою прежнюю значимость. Субкультурный выбор в большинстве случаев больше определяется понравившимся стилем, чем идеологией, принадлежность к субкультуре становится не поисками себя, а потреблением готовой оригинальности, развлечением. Поведение и ценности современного подростка во многом определяются спектром предложений глобального рынка, который давно уже навязывает ему не только товары и услуги, но и готовые имиджи, тиражируемые через масс-медиа.

Образ молодости эффективно используется в коммерческих целях: реклама постоянно прикладывает к образу молодого человека все новые качества и атрибуты. Кроме того, сегодня молодость — совсем необязательно атрибут возрастной категории молодых: к молодости причисляют скорее по принципу обладания неким тиражируемым современной культурой набором предметов, качеств, практик. Так, молодой должен быть позитивным, открытым, беззаботным, улыбающимся, успешным, стремиться к путешествиям, новым впечатлениям и непременно быть очень общительным.

Для общения и фиксации калейдоскопа впечатлений ему необходимы помощники — различные технические устройства: обладание и доступ к ним становятся признаком молодости и активности, «продвинутой», включенности в глобальное пространство. Цифровые технические устройства служат чем-то вроде посредника, средства освоения мира, потребления и фиксации впечатлений, причем момент фиксации с помощью устройства, взаимодействие с ним не менее важны, чем впечатление — отсюда неслучайно повальное увлечение фотографией самих себя в разные моменты жизни, выкладка личных фотографий в Интернет.

Хотя подобные увлечения свойственны и другим возрастным группам, для подростка виртуальная реальность подчас заменяет настоящую жизнь. Масс-медиа, особенно молодежное телевидение, объединяет цифровой мир с образом молодого тела: мобильный телефон, новые пакеты услуг от операторов, встроенная фотокамера наряду с атрибутами молодежного «прикида» указывают на привлекательность и сексуальность его владельца.

Однако не все имеют доступ к высоким технологиям, что порождает новый тип социальной дифференциации — между теми, кто хорошо знаком с техническими новинками и может себе их позволить, и теми, у кого подобных возможностей нет [6. С. 172—173].

Парадоксально, но мир через «очки» новых технологий воспринимается полнее. Молодое поколение, одним из агентов социализации которых оказался Интернет, а любимой игрушкой — оснащенный разными функциями мобильный телефон, постепенно утрачивает вкус к постоянным, устойчивым связям с реальностью. Интернет позволяет моделировать свою виртуальную реальность, расширять круг общения (именно общения, а не дружбы) до невероятных пределов: «Блогосфера, интернет-сообщества, множество “виртуальных миров”, игры — эта реальность зависит от усилий и фантазии игрока, она обновляется желаемыми темпами

и в заданном направлении... Интернет дает возможность обрести то, чего многим не хватает в реальной жизни — славы, успеха, власти, богатства (пусть виртуального) и даже любви. Интернет наполнен мотивами, которые в искусстве всегда считались залогом успеха художественного произведения — азарт, секс, насилие, наблюдение за чужой жизнью» [5. С. 272].

Исследования интернет-активности российских школьников показали: у части 11—16-летних Интернет начинает конкурировать с базовыми потребностями. Так, каждый десятый «часто» или «довольно часто» «не спит и не ест из-за Интернета».

Частично Интернет заменяет собой реальное окружение: каждый четвертый смог вспомнить случаи, когда пренебрегал семьей, друзьями или школой ради пребывания в сети. Каждый десятый делает это часто или достаточно часто. В группе риска интернет-зависимости — 11% российских школьников. Формирование зависимости определяется содержанием деятельности в сети — исследователи выделяют три основных группы интернет-пользователей: «ботаники» используют сеть для учебы и асинхронного онлайн-общения, «универсалы» и «потребители онлайн-контента» интересуются всем, что происходит в Интернете, а «универсалы» еще и часто играют в сети. От 10% до 38% детей в разных регионах России заявили, что «живут в Интернете». Время, проводимое подростками в сети, колеблется от 10—20 минут до 5—10 (!) часов в день [7. С. 22—29].

Что касается поиска в сети информации для учебы, подготовки к докладам, то полезность подобной практики вызывает сомнения. Преподавателям хорошо знакомо использование студентами готовых текстов, «скаченных» из Интернета при полном непонимании содержания. «Скачивание» музыки и фильмов снижает их значимость для потребителей, делает их одноразовыми — скорость скачивания и быстрота появления нового контента не позволяет вернуться и что-то пересмотреть или прослушать еще раз [5. С. 283].

В целом широкое использование Интернета подростками ведет к риску утраты адекватности, связи с реальной жизнью, возникновению сложностей с построением долгосрочных, эмоционально насыщенных связей, хаотизации картины мира. Первичные связи с семьей и друзьями возвращают способность понимать и принимать другого человека как целостный образ, ставить себя на его место — появление этой способности является необходимым условием формирования личности.

Преобладание поверхностных связей, в основе которых лежит собственный интерес и которые можно в любой момент оборвать, если они больше не интересны, не помогают возникновению способности к сопереживанию, а, напротив, стимулируют индивидуализм, замыкая человека на самом себе по принципу: «существенно только то, что мне интересно». Ведущий нейрофизиолог Великобритании в 2009 г. заявила, что сайты типа Facebook инфантилизируют мышление, поскольку опыт, который дети переживают в социальных сетях, «лишен связной последовательности и долгосрочной значимости», что и приводит к «инфантилизации» — мышление представителей этого поколения характеризуется такими признаками, как слабая способность к концентрации внимания, склонность к сенсационности, неспособность к эмпатии и неустойчивое самосознание [5. С. 280].

По данным 2013 г. [9], Интернет стал одним из ведущих источников информации: самое интересное и полезное около половины подростков узнают на сайтах в Интернете, более 30% — в социальных сетях, примерно столько же (более 30%) получают информацию от родителей и родственников.

Свободное время у компьютера проводят 43% «трудных» (состоящих на учете в системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних) и 38% «обычных» школьников. Нельзя исключать возможность того, что подростки несколько занижают значимость общения с компьютером и пребывания в сети, реагируя на осуждение родителями и учителями подобного времяпровождения. Однако нельзя сказать, что подростки не отдают себе отчета в поверхностности общения в сети: с друзьями и знакомыми по Интернету делятся проблемами только 4% «трудных» и 3% «обычных» подростков.

Современные технологии вытесняют из детских, подростковых, молодежных повседневных практик не только «живое» общение, но и сам выход на улицу, посещение друг друга, что в прежние годы было широко распространено. Сегодня своя комната и личные средства коммуникации превращаются в приватное пространство, практически изолируя ребенка от семьи при физическом нахождении под родительским контролем. В разрушение территориальных связей, кроме новых технологий, вносит свой вклад и социальная дифференциация, и разделение школ на лучшие и отстающие, лицеи и гимназии: нередко ребенок посещает школу вдали от дома, и тогда с друзьями и одноклассниками проще общаться по телефону или через Интернет (последнее, конечно, касается в основном больших городов).

В целом, судя по результатам социологических исследований, современные подростки по-прежнему хотят и любят быть со своими друзьями, ориентируются на их мнение, связывают с друзьями лучшие моменты своей жизни (с небольшим отрывом от них идет семья).

Но отношения, построенные на принципах индивидуализма и конкуренции, из делового мира взрослых активно переносятся в подростковую среду. Ребята жалуются на неискренность, подлость, предательство, эгоизм, высокомерие, презрение: «в наше время каждый сам за себя», «даже лучший друг может тебя предать, если это будет очень необходимо для его интересов».

Представленный в статье анализ деформаций культурного пространства подростковых общностей, несмотря на свою схематичность, отражает, на наш взгляд, основные изменения, произошедшие в этом пространстве за последние десятилетия. Что нам, взрослым, делать с этим — вопрос, требующий взвешенных, быстрых (ибо изменения происходят стремительно) и (главное!) согласованных решений педагогов, родителей и экспертов. Но это — тема другого разговора.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И. Социология: История и современность. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.
- [2] Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. М.: Academia, 2008.
- [3] История теоретической социологии. В 4-х т. Т. 4 / Ред. и сост. Ю.Н. Давыдов. М.: Канон+, 2002.

- [4] *Костина А.В.* Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М.: Едиториал УРСС, 2005.
- [5] *Костюковский Я.* Девиантогенные эффекты Интернета // Девиантность в обществе потребления / Под ред. Я.И. Гилинского, Т.В. Шипуновой. СПб.: Алеф-Пресс, 2012.
- [6] *Омельченко Е.Л.* Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры? Молодость в публичном пространстве современности // Журнал исследований социальной политики. 2006. № 2.
- [7] *Солдатова Г.В., Рассказова Е.И.* Из-за Интернета я не ел и не спал // Дети в информационном обществе. 2011. № 9.
- [8] СССР. Автобиография / Под ред. К.М. Королева. М.: ЭКСМО, СПб.: Митгард, 2010.
- [9] *Хагуров Т.А., Резник А.П., Войнова Е.А., Хагурова Н.Е.* Знакомые незнакомцы: «трудные» подростки и их «обычные» сверстники в зеркале эмпирического исследования // Риски взросления в современной России: концепции и факты. Опыт социологического анализа / Под ред. Т.А. Хагурова. М.: ИС РАН; Краснодар: КГУ, Парабеллум, 2013.
- [10] *Хагурова Н.Е.* Современная семья и воспитание (феноменология кризиса) // Народное образование. 2013. № 7.
- [11] *Ханипов Р.А.* Деликвентность: современные подростковые сообщества и насильственные практики // Социологические исследования. 2007. № 12.
- [12] *Шибутани Т.* Социальная психология. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.

GROWING UP AS A PART OF TEENAGE COMMUNITIES: CURRENT TRENDS AND RISKS

G.H. Azashikov, N.E. Khagurova

Chair of Constitutional Construction and State and Municipal Government
Maikop State Technological University
Pervomayskaya str., 191, Maikop, Russia, 385000

Chair of Social Sciences and Humanities
Institute of Economics and Management in Health Care and Social Sphere
Sadovaya str., 218, Krasnodar, Russia, 350042

The article describes teenage communities as a special space of growing up. The authors examine some major transformations of the contemporary society and socialization risks generated by them in teenage communities for today's high parental employment outside the home makes peer groups the most important agent of socialization and a key space for teenagers' growing up. The article identifies the main socio-psychological conceptions of group dynamics, types of relationships among teenagers and functions of peer communities that provide teens a chance to grow up in a system of intergroup communications. The authors emphasize the fact that traditionally peer relationships serve as a "school" of social experience necessary for the normal format of growing up, but today communicational and recreational practices of teens and youth are increasingly "constructed" by the consumption industry. The article considers tendencies of consumerism and virtualization in teenage communities that are changing not only the shape but also the very essence of interactions and relationships among teens and youngsters; discusses the criminalization risks in these groups due to today's mass media impact, and the risks associated with the Internet activity, such as intellectual primitivization and infantilization due to the overreliance on the Internet.

Key words: growing up; teenage communities; group interaction; subcultures; consumerism; virtualization of communication; deformation of the growing up space; risks.

REFERENCES

- [1] *Volkov Ju. G., Nechipurenko V.N., Samygin S.I.* Sociologija: Istorija i sovremennost' [Sociology: Past and Present]. Rostov-na-Donu: Feniks, 1999.
- [2] *Zubok Ju.A., Chuprov V.I.* Social'naja reguljacija v uslovijah neopredelennosti. Teoreticheskie i prikladnye problemy v issledovanii molodezhi [Social Regulation in the Face of Uncertainty. Theoretical and Applied Problems in the Study of Youth]. M.: Academia, 2008.
- [3] Istorija teoreticheskoj sociologii [History of Theoretical Sociology]. V 4-h t. T. 4 / Red. i sost. Ju.N. Davydov. M.: Kanon+, 2002.
- [4] *Kostina A.V.* Massovaja kul'tura kak fenomen postindustrial'nogo obshhestva [Mass Culture as a Phenomenon of the Post-Industrial Society]. M.: Editorial URSS, 2005.
- [5] *Kostjukovskij Ja.* Deviantogennye efekty Interneta [Deviant effects of the Internet] / Deviantnost' v obshestve potrebnija / Pod red. Ja.I. Gilinskogo, T.V. Shipunovoj. SPb.: Alef-Press, 2012.
- [6] *Omel'chenko E.L.* Nachalo molodezhnoj ery ili smert' molodezhnoj kul'tury? Molodost' v publicnom prostranstve sovremennosti [Start of the youth age or death of youth culture? Youth in the public space of modernity] // Zhurnal issledovanij social'noj politiki. 2006. № 2.
- [7] *Soldatova G.V., Rasskazova E.I.* Iz-za Interneta ja ne el i ne spal [Because of the Internet, I have not eaten or slept] // Deti v informacionnom obshhestve. 2011. № 9.
- [8] SSSR. Avtobiografija [The USSR. Autobiography] / Pod red. K.M. Koroleva. M.: JeKSMO, SPb.: Mitgard, 2010.
- [9] *Hagurov T.A., Reznik A.P., Vojnova E.A., Hagurova N.E.* Znakomye neznakomcy: «trudnye» podrostki i ih «obychnye» sverstniki v zerkale jempiricheskogo issledovanija [Familiar strangers: "Difficult" teenagers and their "normal" peers in the mirror of empirical study] // Riski vzroslenija v sovremennoj Rossii: koncepcii i fakty. Opyt sociologicheskogo analiza / Pod red. T.A. Hagurova. M.: IS RAN; Krasnodar: KGU, Parabellum, 2013.
- [10] *Hagurova N.E.* Sovremennaja sem'ja i vospitanie (fenomenologija krizisa) [Modern family and education (phenomenology of the crisis)] // Narodnoe obrazovanie. 2013. № 7.
- [11] *Hanipov R.A.* Delikventnost': sovremennye podrostkovye soobshhestva i nasil'stvennye praktiki [Delinquency: Modern teenage communities and violent practices] // Sociologicheskie issledovanija. 2007. № 12.
- [12] *Shibutani T.* Social'naja psihologija [Social Psychology]. Rostov-na-Donu: Feniks, 1999.